

Э
АКТЕРСКАЯ КНИГА

**НАТАЛЬЯ
БОНДАРЧУК
ЕДИНСТВЕННЫЕ
ДНИ**

Наталья Бондарчук
Единственные дни

«Издательство АСТ»

2009

Бондарчук Н. С.

Единственные дни / Н. С. Бондарчук — «Издательство АСТ»,
2009

«Единственные дни» – книга известной актрисы и режиссера Натальи Бондарчук, в которой она с предельной, подкупающей откровенностью рассказывает о себе и о людях, с которыми довелось жить и работать. В книге она пишет об отце – режиссере Сергее Бондарчуке и матери – актрисе Инне Макаровой, учителе Сергее Герасимове, коллегах по актерскому цеху Василии Шукшине, Николае Бурляеве, Сергее Безрукове; режиссерах Андрее Тарковском, Ларисе Шепитько, Владимире Мотыле, о съемках своих фильмов «Бемби», «Пушкин. Последняя дуэль», «Гоголь. Ближайший».

© Бондарчук Н. С., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

«Единственные дни» Натальи Бондарчук	5
Когда не было времени	6
Истоки	9
Волшебный фонарь	10
Космическое явление	11
Сибирь	12
Переделкино	13
Первая любовь	15
Ново-Дарьино	17
Баба Аня – писательница	18
Дети	20
У меня есть брат	24
Встреча	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Бондарчук

Единственные дни

«Единственные дни» Натальи Бондарчук

В Московском Доме кино шла премьера фильма Андрея Тарковского «Солярис». На экране прекрасная молодая женщина Хари, созданная фантазией авторов, доказывала, что она имеет право называться Человеком.

Она – человек, потому что может любить...

И вот теперь для Натальи Бондарчук, актрисы, сыгравшей Хари, а потом много других ролей, ставшей режиссером, пришло время воспоминаний. Она взялась за трудное и ответственное дело – как свидетель былого она должна говорить «правду, только правду, ничего, кроме правды». И Наталья Сергеевна выбирает свою правду, ее правда – правда личная, семейная, творческая. Она не ставит перед собой задачу оценивать сложную и трагическую историю советского кино. Людей, о которых рассказывает автор, объединяет теперь только ее личная судьба – так глубока пропасть, разделяющая эти имена: Тарковский, Герасимов и Бондарчук. Не подчинившийся идеологии режиссер и фавориты этой идеологии... И все трое – учителя и любимые люди Натальи Бондарчук, о которых она рассказывает с присущим ей эмоциональным подъемом.

Книга Натальи Бондарчук – очень женская. Книга дочери, жены, матери. Книга человека любящего, прощающего, пристрастного, готового защитить, заслонить собой своих близких. Книга женщины, умудренной жизненным опытом.

Но мы видим здесь и другую Наталью Бондарчук, ту безрассудную девочку Наташу, которая совершает поступки по велению не разума, а сердца, не думая о последствиях. В духовной и в творческой жизни Натальи Бондарчук присутствует это «безрассудство», тут ее ничто не сдерживает. В поисках духовного идеала она, православная христианка, обращается к учению Рерихов... и строит на Алтае часовню Преподобного Сергия Радонежского. Как режиссер осуществляет свою мечту – снимает фильм о Бемби, и это после всемирно известного мультфильма Диснея! Затем – фильмы о Пушкине («Одна любовь души моей», «Пушкин. Последняя дуэль»), о Тютчеве («Любовь и правда Федора Тютчева») и теперь – «Гоголь. Ближайший»...

В наше прагматичное время, возможно, многие отнесут к безрассудству и то, что Наталья Бондарчук бескорыстно делает для детей – клубы «Бемби», детский театр, спектакли с детьми и для детей.

Андрей Тарковский говорил когда-то, что фильм – это поступок. Книга «Единственные дни» – тоже поступок.

М. Тарковская

*И целая их череда
Составилась мало-помалу,
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.*

Борис Пастернак

Когда не было времени

Вы будете смеяться, но я помню свое рождение. Помню первую кровать из плетенки... Хорошо помню нашу первую квартиру, где жила вместе с мамой, папой и бабушкой.

Родители решили назвать меня Натальей, что в переводе с древнегреческого означает «природная».

Конечно, «природная» не подозревала, что родилась у известных актеров – Инны Макаровой и Сергея Бондарчука. Родители успели к этому времени закончить Институт кинематографии и сняться у своего учителя Сергея Герасимова в фильме «Молодая гвардия». Она – в роли Любки Шевцовой, он – в роли Валько.

Мама, по старинному поверью, к рождению ребенка не готовилась, и «природную» по приезде из роддома положили в чемоданчик, укутав ватой и чистыми тряпочками. Позже была куплена плетеная кровать, и «природная» сразу отправилась в первое путешествие на балкон.

И сегодня вся моя жизнь проходит на чемоданах, в бесконечных поездках и общении с природой.

Наша семья жила в Москве на Новопесчаной улице в кирпичном доме, построенном пленными немцами. Получить отдельную однокомнатную квартиру по тому времени – началу пятидесятых годов – было почти роскошью. До этого папа и мама жили в полуподвальном помещении, тесном и мокром, где однажды по отцу даже пробежала крыса, что, впрочем, говорят, к счастью.

Я, бабушка и моя няня спали на кухне, мама и папа – в единственной комнате. Днем я царилла везде, ползая по всей квартире, трогая и вытаскивая на свет все доступное рукам – особенно книги. К книгам у меня с детства развилось чувство глубокого почтения. Особенно меня привлекали две. Большая поваренная книга с красочными иллюстрациями – «О вкусной и здоровой пище». И «Божественная комедия» Данте Алигьери. Я с интересом рассматривала гравюры Дорэ, пугающие и таинственные. На многих из них люди были изображены свободно парящими в воздухе. Это парение и привлекало, и завораживало мое детское воображение – будто какая-то остаточная память о мире ином. Я и вправду помнила свои ощущения от быстрого полета куда-то вниз, к земле. Я летела вниз головой, что было не особенно приятно, и меня окружало бесчисленное множество полупрозрачных фигур. Иногда родители брали меня вечером к себе в комнату, и тогда в полутьме я видела нечто похожее над их кроватью (я совершенно не выносила темноту и засыпала только при свете настольной лампы). А еще тот, другой, мир был иным по красочности. Светоносные полупрозрачные и в то же время яркие тона, как крылья бабочки, редко присутствовали в реальном, пока еще скучноватом сереньком мире. И только в Новый год разноцветные шары и лампочки на елке напоминали тот наполненный красотой мир. А еще меня завораживали витражи. Моя любимая станция метро «Новослободская» даже подобием витражей вызывала восторг и чувство радости.

В одном итальянском документальном фильме снят будущий младенец во внутриутробном состоянии. Его глаза мелко мелкомелко подергиваются, приборы фиксируют состояние парадоксальной фазы сна. Еще не родившийся на свет ребенок *видит* сны. «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?» – вопрошает Гамлет. А если еще нет земного чувства, а ребенок видит сны?

Когда моему собственному сыну исполнилось четыре года, я не удержалась, спросила:

– Где ты был, когда тебя не было?

– Я был в океане душ, – ответил Ваня.

Заговорила я поздно. В самом раннем возрасте меня напугала одна знакомая, и родители уже начали волноваться из-за моего упорного молчания. Однажды мама несла меня на руках, переходя по мостику через речушку.

– Мама, не упави в речку вместе с Наташкой, – вдруг сказала я, и мама, тихо охнув, чуть не выпустила ребенка из рук. А я замолчала – снова надолго.

В майский погожий денек бабушка Аня повезла меня кататься на катере по Москве-реке. На обратном пути, увидев знакомые дома, я отчетливо произнесла: «И родимая страна вот уж издали видна». И потом уже болтала без умолку и наизусть читала сказки Пушкина.

Пушкин! Он был всегда рядом со мной, с нами. Вот подул сильный ветер, как хорошо было ему вторить:

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Папа нарисовал море и веселый парусник, а я уже радуюсь его движению:

Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

Пушкин – чудо! Вот уже больше двух столетий дарит он нашему народу особый ритм бессмертных стихов – детям, взрослым, старикам. Работая над фильмом об Александре Сергеевиче Пушкине, я снова касалась волшебного источника жизни, из которого привыкла пить с детства.

Перед сном мне рассказывали сказки. Моя добрая любимая няня Нюра пришла без паспорта в город из глухой деревни, приютилась у нас и жила до восьми моих лет, став нам родной. Поначалу в городе все ей было чуждо, слишком сильна была ее привязанность к деревне. Запомнился ее рассказ о людях-оборотнях. Да-да, в глубинках есть еще это чудо-юдо.

«И обернулся один из них кабанчиком, другой – псом, а третий – птицей. Собирались они у большого дуба, один на ветке сидит, другой в дупло залез, а третий в корнях притаился. Друг дружку они понимают, хоть и в зверином обличье. Многие там их подмечали, а как светать станет, петух прокукарекает – так снова людьми оборачиваются и по домам расходятся».

Ну чем не «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Верил ли сам Гоголь подобным рассказам? Думаю, не только верил, но и знал многие.

Однажды увидела я над своей кроваткой склоненную няню Нюру, а рядом с ней... корову. Самую настоящую, с мокрым носом, даже запах коровий был и дыхание. Что это было? Только не сон. Видение? А может быть, я увидела ту корову, по которой тосковала моя няня Нюра?

Думаю, что детство каждого ребенка окутано плотной мантией иного бытия. Часто ребенок сам сознает себя частью сказочного мира и пробует свои колдовские штучки. Например, я была убеждена в том, что, надавливая на металлический шпингалетик на окошке трамвая, сама закрываю двери и отправляю всех пассажиров в путь. А дяденька впереди, за стеклянной перегородкой – тоже волшебник, и все мы делаем с ним вместе.

Летом, по возможности, бабушка Аня водила меня по грибы. Видимо, скучая по своей родной Сибири, она могла целый день провести в лесу, взяв с собой немного хлеба, картошки и воды. Так вот там, в лесу, я находила волшебную палочку, которая сама искала мне грибы. Я с ней внутренне беседовала, уговаривала искать хорошо и не лениться. Если грибов в корзинке было много, я не бросала палочку, а старательно пристраивала ее к самой зеленой ветке, окутав листьями, чтобы она не горевала, что такая голая, чтобы ощутила себя, как прежде, живой. Ведь живым было все вокруг: добродушно улыбалось солнце, сверкал серебряными рожками

месяц, сияли и лучились волшебные камни. Но, что самое главное, в детстве еще не было времени – были события, они просто сменяли друг друга.

Истоки

Происхождение моей бабушки, Анны Ивановны Герман, было таинственным. Ее совсем крошечной положили на порог сибирского дома. Удочерили ее Ирина Самсоновна, в девичестве Варакина, и Иван Михайлович Герман. Своих детей у них не было. Но поговаривали, и скорее всего так и было, что дочь Аннушка была настоящей, кровной дочерью Ивана Михайловича. Он был из австрийских поляков, сосланных в Сибирь, был католиком, а при венчании с Ириной Самсоновной принял православие, но сохранил европейские привычки: любил пить по утрам кофе и выписывал газеты.

Все это я выведала у взрослых гораздо позже.

Позже узнала и то, что моя бабушка, моя голубоглазая Буся с косой до пят – известная сибирская писательница, журналист, бесстрашная исследовательница горного Алтая. Работала она и литературным редактором на радио, а мой дедушка – Владимир Степанович Макаров, обладавший редким по тембру голосом, – был диктором и писателем. Публиковались его поэмы, стихи. В 1934 году он стал членом Союза писателей. Но я дедушку не знала, так как прожил он свою яркую жизнь за тридцать четыре года. Его отец, мой прадед, Степан Родионович Макаров, переселенец из Вятской губернии, отправился вместе с братом в Сибирь и жил в Мариинске. Говорят, хорошо делал гармошки и сам на них играл.

Там, в Мариинске, на высоком крыльце построенного дедушкой дома состоялось первое выступление будущей народной артистки СССР – шестилетней Инны Макаровой. Вот как она описывает это в своей книге «Благодарение»:

«Задача была одна: собрать, усадить, а потом удержать зрителя на местах любимыми средствами. Стулья выносились из дома и ставились перед крыльцом, и сидели на них почти все взрослые обитатели дома. А народ у нас был театральный. О папе и маме говорить нечего – они работали в Новосибирском радиокомитете.

Давался фрагмент из пьесы “Клад”. На крыльцо я затащила огромный куст полыни, за который пряталась. Когда началось действие, одна из девочек крикнула: “Птаха, ты где?” Я из-за полыни кричала: “Ау, я здесь!” И так несколько раз, пока в первом ряду на стуле не остался один дедушка по причине безмерной своей доброты. Но лиха беда начало. Я поняла, что одним “искусством” неблагодарную публику не удержишь, нужен буфет!»

В раннем детстве мы с двоюродным братом Андрюшей Малюковым (ныне известным кинорежиссером, снявшим такие фильмы как «В зоне особого внимания», «Бабочки», «Я русский солдат», «Империя под ударом», «Спецназ») собирали землянику, делали морс, затем устраивали театральный буфет и созывали публику на наше представление. Тогда я, конечно, не подозревала, что мы в точности повторяем забавы маленькой Инны, сибирской девочки, ставшей впоследствии знаменитой актрисой.

Мой папа родился 25 сентября 1920 года в селе Белозерка Херсонской области на Украине. Дедушка – Федор Петрович Бондарчук – руководил большим колхозом в Приазовье, работал и на кожевенном заводе в Таганроге, где были свой театр и кинотеатр. Его маленького сына Сергея увлекал театр, где иногда выступал его родной дядя, а потому выпадала возможность проникнуть за кулисы.

Так увлечение театром мальчика Сергея из Украины и девочки Инны из Сибири предопределило их дальнейшую судьбу. В детстве мне казалось, что родители мои встретились, конечно, только для того, чтобы я появилась на свет.

Волшебный фонарь

Мне было года три. В Катуарах, где снимали на лето комнатку с верандой, я впервые увидела фильмы с участием Чарли Чаплина. У наших соседей была трофейная киноустановка. Почти каждый вечер собиралось человек десять, включалась волшебная лампа, и с сильным треском под музыку шли самые лучшие фильмы Чарли Чаплина.

Я хохотала от души, но один фильм, «Огни большого города», вызывал у меня неизменно самые горячие слезы. История слепой девушки и влюбленного в нее Чарли полностью завладела моим сердцем. Как я радовалась, что Чарли, притворившись миллионером, помогает девушке, делает все, чтобы она прозрела.

И вот оно, чудо: девушка вновь обретает зрение. Узнает ли она, кто был ее благодетелем? И я с замиранием сердца смотрю финал фильма – уже прозревшая девушка ощупывает лицо Чарли, дальше картинка с надписью, кто-то читает вслух: «Это вы? – Да, это я». Я плакала еще и потому, что с нами в доме жил слепой юноша семнадцати лет. Он был красив, легко выющиеся волосы обрамляли почти детское лицо с большими карими, казалось, совершенно зрячими глазами. Ослеп он, видимо, не так давно и был беспомощен, его везде и всюду водила за руку мать. Конечно, в моей детской фантазии я так же, как и Чарли, освобождаю юношу от слепоты, но это была только моя мечта.

Как-то стремительно наступила осень и зима. Мы вновь перебрались в наш дом на Новопесчаной улице. Война закончилась, но люди еще долго помнили о ней: пели военные песни, смотрели военные фильмы.

Подвиг молодогвардейцев был еще свеж в памяти людей и артистов, сыгравших в фильме Сергея Аполлинариевича Герасимова «Молодая гвардия». Многие отождествляли артистов с персонажами, бесконечно их любили и почитали за героев. И я сама, посмотрев тяжелый для детского восприятия фильм, пролив слезы, беззаветно была предана молодогвардейцам. Я любила мою маму, Любку Шевцову, и даже нафантазировала себе, что Люба и есть моя мама.

Ведь Любка хотела стать артисткой, размышляла я, и разве могли ее, такую яркую, радостную, убить фашисты, она была ранена, потом попала в больницу, изменила имя и фамилию, стала Макаровой и родила меня. Ну, а если я родилась от героев (роль Валько играл мой отец Сергей Бондарчук), стало быть, я сама непременно должна стать героем. Потому, выходя зимой во двор, я низко, почти на глаза, нахлобучивала на себя шапку-ушанку, надевала валенки с калошами, короткую шубенку и туго затягивала на себе широкий ремень со звездой. Главное, чтобы никто не догадался, что я девочка. И когда кто-нибудь говорил мне: «Эй, пацан», – я была счастлива.

Космическое явление

Однажды мы все узнали, что умер Сталин. Не знаю уж почему, но отношение к «вождю» у меня с детских лет было негативным. А вечером того памятного дня, выйдя с няней Нюрой погулять, я увидела в небе яркую крупную звезду с хвостиком и рядом с ней такую же поменьше. Они быстро передвигались и вскоре скрылись. Долгие годы я была убеждена, что в этот день видела комету, но, понаблюдав за реальными кометами и их медленным продвижением, так и не смогла понять, с каким именно космическим явлением встретила я в день смерти Сталина. А тогда во дворе, увидев лежащего на лавке пьяного мужчину, ткнула на него пальцем и сказала Нюре недружелюбно: «Вот он, Сталин, умер, а лежит здесь...»

Нюра поспешно увела меня домой.

Вообще смерти я не боялась. В лихие же минуты, когда мне казалось, что меня сильно обижают взрослые, воображала себя мертвой: «Вот умру и все увижу, как они меня жалеть будут и плакать». И я тоже начинала реветь.

– Что ты плачешь, Ната? – спрашивала меня обеспокоенная бабушка. Я, конечно, молчала, да и что было сказать – что я плачу от того, что умерла?

– Тебе что-нибудь нужно? – не отставала бабушка.

– Да, куклу, – врала я.

В детстве не было не только времени, но и пространства. Вернее, не существовало его разграничения, и дом в Новосибирске был где-то рядом. Там же, недалеко от города, было озеро с мальками и лягушками, и все это было со мной долго-долго и после того, как мы уехали из Сибири. Мир фантазии и реальности тоже имел условные границы, ведь во сне, в книгах солнце улыбалось, а звери разговаривали.

Сибирь

Мне четыре года. И живу я теперь в доме Малюковых – у маминой сестры, тети Нины, ее мужа, дяди Игоря, и моего брата Андрея. Игорь Михайлович Малюков был художником, тетя Нина работала редактором в журнале «Сибирские огни».

В большой квартире старого дома Малюковых жила еще собака, немецкая овчарка. Запомнился в коридоре большой сундук, а на кухне – смешная сахарница с улыбающимся лицом. А еще во дворе росло огромное дерево, усыпанное ранетками, маленькими кислыми яблочками. С покато́й крыши сарая можно было великолепно, с визгом, скатываться вниз.

Вскоре я, бабушка с тетей и дядей, с Андрюшкой (он старше меня на два года) переехали на стареньком грузовичке на дачу, где жарились на солнце и ловили мальков, а дядя Игорь писал свои этюды. К этому я привыкла, потому что мой папа тоже любил писать картины, и запах масляной краски мне с детства приятен.

В Сибири меня манили большие качели. Они стояли у самого леса, и, если сильно раскачаться, можно было лететь почти вровень с макушками елок – дух захватывало от таких полетов. Хозяйские дети, как и все дети, любили страшные рассказы. Как только солнышко клонилось к закату, мы, конечно, начинали пугать друг друга. На печке собирались все пятеро ребятшек, и кто-нибудь самым заунывным и тихим голосом принимался рассказывать о черном-черном гробе и белом-белом скелете, и в конце таинственного рассказа гроб раскрывался. Это произносилось очень громко, все визжали от страха, скатывались с печки и кидались вон из дома на качели. Там, немного успокоившись, начинали петь жалостными голосами «Катюшу» и снова визжали, эхом отдавался лес, страшно ухали испугнутые совы, и вновь вся ватага бежала в дом на печку. Все бы ничего, но я была настолько мала, что не успевала вовремя слезть с печи и прибегала к ребятам как раз тогда, когда они с визгом срывались с качелей. В одиночку взобраться на печь – тоже большая проблема. Так и носилась я за детворой, не успевая вдоволь насладиться страшилками.

Однажды пошел сильный-сильный дождь, и неожиданно выглянуло солнце. Никого не спросясь, мы с Андрюшкой, босые, в одних трусиках выбежали на улицу и стали отплясывать под дождем. Ах, как чудесно хлюпала грязь под ногами, какие прохладные струйки скатывались по лицу и спине... А как дышалось лесом, травой, влагой... детством.

Удивительно, как детство осторожными штрихами предопределяет будущее. Бабушка Аня рассказывала мне о своих путешествиях по Алтаю, по горным дорогам которого мне предстояло проехать на коне к таинственной и прекрасной горе Белухе. Папа, усадив на колени, рисовал мои любимые парусники, готовя меня к далеким путешествиям (я впоследствии объездила полмира, от Исландии до Новой Зеландии, Канады и Перу). А мама рассказывала мне историю о маленьком олененке Бемби, ставшую моей любимой темой в кинематографе.

А пока я знакомилась с миром моих родителей. Ох, до чего же он был разнообразным и шумным. Артисты, среди которых были Николай Рыбников, Алла Ларионова, Сергей Лукьянов, Клара Лучко, Иван Переверзев и много-много других замечательных личностей, буквально с колыбели вошли в мою жизнь. А благодаря бабушке я познакомилась и с известными писателями.

Переделкино

Не имея собственной дачи, на лето бабушка вывозила меня и брата Андрюшу в Переделкино. Я навсегда полюбила это смешное название. Там мы жили на даче Лидии Сейфуллиной, известной писательницы и бабушкиной подруги. Деревянный дом окружал еловый лес, в овраге был большой малинник. А еще недалеко от нас жил замечательный и любимый дедушка, звали его Корней Иванович Чуковский. Стихи Чуковского я обожала. А его «Муху-Цокотуху», которая пошла на базар и купила самовар, знала наизусть.

Как-то папа решил сделать домашний радиоспектакль, опробовать только что купленный магнитофон. Была выбрана «Муха-Цокотуха», и мне досталась первая в жизни главная роль в папиной постановке – роль Мухи. Мне очень понравился сам процесс создания спектакля – мы по-настоящему чокались лимонадом, разлитым по бокалам, шуршали юбками, когда собирались гости, и громко топали, когда убегали от паука. Папа двумя кухонными ножами изобразил звон сабли Комара, спасающего Муху. Я была в восторге от всего этого шума и гама, но вот мы уселись, чтобы прослушать наш спектакль. И когда я услышала какие-то жалкие звуки, похожие на голос простудившейся мыши: «Дорогие гости, помогите, паука-злодея зарубите», – с ужасом поняла, что это мой собственный голос. Я рыдала так, что меня долго успокаивали.

Но вот он, Корней Иванович Чуковский, знаменитый автор «Мухи-Цокотухи», живет рядом и даже приглашает к себе на дачу ребятишек, чтобы посидеть с ними у костра. Но для того, чтобы получить пропуск к костру, нужно было набрать много-много шишек. С соседской девочкой Таней я насобирала целый передник шишек и принесла Чуковскому. «Дедушка Корней» утопал в ребятишках и внимательно выслушивал каждого, у него был большой нос и добрые, чуть лукавые глаза. Танюша сразу освоилась, уселась на колени к Корнею Ивановичу и стала ему рассказывать что-то про то, как Мишка свалился с кровати. Мне стало за нее стыдно, я уже понимала, что это совсем нескладно, и вовсе не стихи, но сама я читать стихи не стала, а сидела и слушала. Откуда мне было знать, что Корней Иванович в это время писал свою знаменитую книгу «От двух до пяти» и из нашей дребедени вылавливал жемчужины.

– Кто муж у стрекозы?

– Стрекозел.

– А кто такая гусеница?

– Жена гуся.

Когда у меня появился сын Ваня, то к двум его годам я вспомнила и эту книгу, и наш лепет.

– Вот видишь, Ванюша, – предлагала я рассмотреть сыну игрушечную белку, – вот что это у белочки блестящее?

– Глазки, – говорил сын.

– Правильно, а вот черный круглый?

– Носик.

– А вот сзади смотри, какой пушистый?

– Щетка! – убежденно ответил Ваня.

Идем по улице, а сынок задирает голову:

– Смотри, мама, видишь, завод облака делает.

Проезжаем мимо церкви, на которой нет крестов, Ваня обращает на это внимание и говорит рассерженно:

– Какое кашейство!

Милый, добрый Корней Иванович, сколько тогда ребячьих сердец наполнялось радостью от встреч с ним.

Однажды мы с бабушкой Аней проходили мимо одной дачи, огороженной невысоким штакетником. Баба Аня поздоровалась с работающим на своем участке человеком.

– Это кто? – поинтересовалась я.

– Это Борис Леонидович Пастернак яблоньки окучивает.

– Тоже детский писатель? – спросила я, привыкшая к тому, что живу в поселке среди писателей.

– Нет, он взрослый писатель, очень взрослый, – как-то по-особенному произнесла бабушка. – Хороший писатель и поэт, – прибавила она.

Разве могла я тогда знать, что над Борисом Леонидовичем уже сгустились черные тучи. Его исключили из Союза писателей за то, что за границей был издан его роман «Доктор Живаго».

Много позже бабушка рассказала мне по секрету, что во время собрания на стадионе в Лужниках, которое транслировалось по телевидению, Семичастный кричал в микрофон: «Вон из России!», и толпа подхватывала этот рев: «Вон из России!» Хотя, конечно, романа никто не читал. Моя мама была на этом собрании, и бабушка увидела по телевидению орущую толпу и мамино скорбное лицо и сжатые руки. Она была из тех немногих, которые не подняли свой голос против любимого поэта.

Конечно, мамин поступок, за который она могла поплатиться, погоды не сделал, но важно было не поддаться общей подлой травле.

«Промолчи, промолчи, попадешь в палачи...» Сколько раз в жизни я получала подтверждение этим строкам Александра Галича, проверяя их на других и на себе. А тогда, в далеком детстве, мы с бабушкой прошли дачу Пастернака, перешли по мосту через речку и поднялись на холм к церкви с голубыми куполами.

Этот храм любил мой отец, он приходил с этюдником и работал маслом. До сих пор у меня хранится этюд «Голубые купола Переделкинского храма». Разве я могла знать, что в девятнадцать лет, заканчивая съемки у Тарковского в «Солярисе», я захочу креститься и выберу этот храм. А пока мы с бабой Аней гуляли вдоль монастырских стен и Борис Леонидович Пастернак писал стихи у себя в Переделкине:

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник Вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

Первая любовь

В Переделкине случилось со мной чрезвычайное происшествие – я влюбилась. Раньше я влюблялась только в киногероев – например, моим кумиром был Роберт Грант в исполнении Яши Сегеля, я даже свою чахлую панамку гордо сдвигала на затылок, как это проделывал Роберт со своей соломенной шляпой. Но в Переделкине тот, в кого я влюбилась, был мальчик лет двенадцати, а мне-то только четыре. Его звали Митхат, у него были карие глаза, слегка выющиеся волосы. Главным было то, что у него был свой велосипед. Настоящий двухколесный, взрослый велосипед, он даже однажды посадил меня и провез немного на нем.

И вот тут-то все и началось... Мне казалось, что я непременно должна первая выказать свое чувство к нему. Обычно мы вместе смотрели телевизор, сидя на деревянной лестнице, ведущей на второй этаж. Крошечное окошечко одного из первых в моей жизни телевизоров таинственно мерцало, передавая нам историю чужой жизни, и тут я решилась. Митхат сидел рядом, взрослые на нас не смотрели, и я положила свою руку ему на плечо и замерла. Он моей руки не откинул, и я поняла, что моя любовь не была безответной. На следующий вечер мы с бабой Аней шли пешком от станции через поле, над нами сияли звезды, и я призналась.

– Баба Аня, знаешь, я должна тебе раскрыть страшную тайну, только никому, слово?

– Слово, – пообещала бабушка.

– Я женюсь! – выпалила я.

– Наверное, все-таки выходишь замуж, – спокойно поправила меня бабушка. – А кто жених? За кого замуж собралась?

– За Митхата. Мы поженимся, и у нас будет много-много детей.

– А он что, тоже хочет жениться? – спросила бабушка. Этого я не знала и замолчала. Бабушка поняла, как всё-то у меня непросто складывается, и начала рассказывать про себя.

– Знаешь, Ната, я в твоём возрасте тоже влюбилась, в одну красивую пятилетнюю татарочку.

– Так она же девочка? – удивилась я.

– Ну и что ж, я тогда еще не вполне различала разницу между девочками и мальчиками. Я решила на ней жениться и сообщила об этом своей маме, а та мне объяснила: «Видишь на ней монисты?»

– Монисты – это что? – спросила я.

– Это такое красивое украшение, ожерелье из монеток. Так вот: «Она просватана», – сообщила мне мама.

– Просватана – это как?

– У нее уже есть жених, их обручили родители, как только они родились, и подарили в знак этого события монисты маленькой невесте. Так что свадьба моя расстроилась.

– А у меня монисты есть? – забеспокоилась я.

– У тебя нет, у нас, русских людей, это не принято.

Больше мы об этом не говорили, но от бабушкиного рассказа во мне возникло легкое сомнение в близости свадьбы.

Как только мой сын Ваня достиг четырехлетнего возраста, он тоже влюбился в свою воспитательницу детского сада, которой было лет тридцать.

– Мама, можно мне ей об этом сказать? – спросил он.

– Не знаю, Ванюша, может быть, – уклончиво ответила я.

– Я уже сказал, – выдал мне свою сердечную тайну сын.

– А она? – заинтересовалась я.

– Она мне ничего не ответила, – вздохнул Ваня.

Я подумала про себя: странная женщина, ей ребенок в любви признается, а она с ним не разговаривает. Ваня, словно услышав мои мысли, поднял на меня глаза и добавил:
– Ведь я ей сказал про себя, а не вслух.

Ново-Дарьино

К шести моим годам родителям выделили участок в поселке Ново-Дарьино. Как только мы прибыли на участок, я тут же собрала мелкий хворост и шишки для будущего самовара. Средств на дом не было, и пока на лето построили временку из горбыля. В ней мы и жили с бабушкой, готовили на керосинке «щи да кашу – пишу нашу».

Двор участка был не огорожен, и к нам часто заходили разные люди собирать грибы. Однажды, когда мы улеглись спать, бабушка меня разбудила.

«Вставай, вставай, Ната, к нам гости пожаловали». Какие, думаю, гости ночью. Смотрю, а в дверь временки просунулась большая лосиная морда. Лосиха, содрав кору с яблонь колхозного сада, привела с собой на подкорм к нам трех лосят, и мы с бабушкой кормили их кашей из кастрюльки.

Как только был поставлен маленький домик, к нам из Сибири приехали тетя Нина, дядя Игорь и мой брат Андрюша. Он мечтал быть клоуном, и мы с ним затеяли театр, вернее – представление.

Ходили в гости по соседям и выступали. Программа была разнообразная. Вначале мы показывали сложный цирковой номер – пирамиду. Андрюшка вставал на одно колено, а на другое его колено я опиралась одной ногой и широко раскидывала руки – зрители аплодировали и почему-то смеялись.

Мы кланялись. Потом композиция менялась и я, опираясь на Андрюшку, высоко поднимала ногу – это была ласточка, – и все проходило хорошо, если с ноги не падал сандалик.

Дальше в нашей программе были фокусы. С огромным успехом я показывала один фокус, которому меня научил папа. У хозяев дачи, где мы выступали, брался стаканчик. На глазах у всех присутствующих я накрывала его газетным листом, и бумага принимала его форму. Кто-нибудь должен был проверить стаканчик, постучав по нему карандашом до звона. Затем я произносила заклинание, во время которого возила стаканчик кругами по столу, и, наконец, хлопала по стаканчику рукой, и он исчезал, оставалась только одна бумага. Аплодисменты, восторги. После обязательного угощения артистов я торжественно возвращала целый и невредимый стаканчик хозяевам.

Андрюшка понимал, что фокус пользуется огромным успехом, и, конечно, знал, что, уловив момент, я незаметно скидывала стаканчик себе в юбку, а бумага продолжала поддерживать форму, хлоп – и нет стаканчика. И вот в одном доме он решил сам показать этот фокус и потребовал стакан. Все хорошо, но вот он – момент незаметного скидывания стакана в юбку, а юбки-то у Андрюшки не было, были штанишки, и – бац... Стакан на полу, пришлось извиняться перед хозяевами за порчу посуды, больше Андрюшка на мои фокусы не покушался. Зато показывать клоуна – в этом равных ему не было...

Через несколько лет Андрей Малюков станет известным кинорежиссером, снимет фильм «Тридцать четвертый скорый». Главным героем фильма будет старый полуослепший клоун, его блестяще сыграет Лев Дуров. Так Андрюшкин клоун получит новое воплощение. Исполнилась твоя мечта, братишка!

Баба Аня – писательница

Итак, с самого раннего детства я знала, что моя бабушка Аня – писательница. Она вставала рано-рано, еще до зари, пила чай вприкуску с двумя кусочками сахара, и садилась за свою трофейную пишущую машинку, в которой немецкий шрифт был переделан на русский, и усердно печатала свои рассказы и очерки. Утро было ее: все еще спали, а она работала.

Правда, в детстве я не знала, что бабушкины листки с печатным текстом в большинстве случаев попадали в ее же стол и больше никуда. Не знала я и того, что бесстрашная исследовательница Горного Алтая Анна Ивановна Герман, написавшая интересные очерки и книги о Сибири, боялась публиковать свои новые работы. Многие хорошо ей знакомые писатели и писательницы в страшные сталинские времена были под арестом, а иные расстреляны. Про саму же Анну Ивановну было написано в газете так: «Нам не нужны Анна Герман и Жюль Верн». Конечно, Анна Ивановна внутренне была горда, что ее сравнивали с Жюлем Верном, но, как только у младшей дочери Инны появилась на свет я, бабушка навсегда уехала из Новосибирска в Москву помогать маме меня воспитывать. Но привычку к писательскому труду бабушка не оставила, иногда выпуская «статьки», как сама говорила, с горькой иронией.

К нам в гости в Ново-Дарьино приезжала ее подруга, поэтесса Елизавета Константиновна Стюарт. Голубоглазая Стюарт была дворянского происхождения, с королевской осанкой, красивая и нежная. Она очень любила мою бабушку, маму и меня. Мы часто вместе ходили гулять в лес к озеру, и Елизавета Константиновна обращала мое внимание на лесные цветы и голубых стрекоз над водой. Именно там, около нашего озера, при мне рождались ее удивительные стихи:

Большие синие стрекозы
В лесу над озером летят.
Еще зеленые березы
В него по-летнему глядят.

И лишь одна, в сторонке стоя,
Опередила всех подруг:
Надела платье золотое
И вышла первая на круг!

Как только я научилась писать, пока еще печатными буквами, то сразу задумала создать свою книгу. И название придумала: «Звездный мальчик» – меня не смущало то обстоятельство, что мотив был навеян фильмом с аналогичным названием. Что такое плагиат, я в это время еще не знала. Первым делом я принялась за обложку.

Вырезав из светлого картона небольшой листок и сложив его пополам, я взялась за краски. Изобразила чернильное небо и желтые звезды, потом большими печатными буквами написала заглавие, затем из более тонкой бумаги я вырезала листочки поменьше и клеила в обложку: получилась приличная книжица, но на все это ушло дня четыре, и дело дальше как-то не пошло.

Бабушка и мама решили посадить свой сад. Вскоре были доставлены на участок первые саженцы, и началось. Мы все рыли ямки, клали подкормку для корней, осторожно опускали небольшие деревца, в основном «антоновку» и «белый налив», присыпали землей и поливали. С водой было туго, ее приходилось носить из пруда – издалека. Но наши труды увенчались успехом, и через два года появились первые бутоны на деревьях. Много лет спустя я обнаружила в бабушкином архиве две небольшие, чудом уцелевшие книжечки «опального» автора

Анны Ивановны Герман, прочитала нехитрую историю старого Левченко, который задумал развести яблоневый сад в Сибири, а его друг написал об этом и пришел к нему с рукописью.

«Намерение рассказать о моем старом друге Игнате Левченко появилось у меня давно. Началось с малого. Я прихожу к тебе и застаю тебя за необыкновенным занятием. Мурлыча по обыкновению, ты высаживаешь яблоньки в нашу сибирскую землю. Первые – по эту сторону Урала. Весной они принялись. Мы – соседи – с интересом следили за твоей затеей. (Заглядывали через изгороди, с удивлением замечали, что твои питомцы просыпаются, раскрывают почки.) Некоторые жители нашей улицы смотрели на твою попытку, как на чудачество. (Над тобой посмеивались.) Находились такие, что пророчили плохой конец твоей затее. Особенно, когда от суровых морозов померзли все твои саженцы. Но ты, упрямец, привез новые.

Помню, глубокой зимой на постой к тебе заехали отступившие колчаковцы. В твоём садике устроили стоянку коней. А когда ты, в запальчивости, замахнулся палкой на коня, под копытами которого сломалась хрупкая на морозе вершинка старшей яблоньки, казачий хорунжий огрел тебя, человека уже немолодого, нагайкой по лицу...

С приходом новой зимы ты пригнул саженцы к земле, пришил колышками и прикрыл соломой. Яблоньки благополучно зазимовали. Я возвращался с Западных дорог, где мы восстанавливали движение. Возле твоей усадьбы меня остановил аромат созревающих яблок. Я направился к тебе и вошел в твой фруктовый сад. Там, на ветвях, разостланных по земле, благоухали румяные плоды. К тебе приводили детей и показывали им, как растут и зреют яблоки. А весной и мы, ближние твои соседи, посадили на своих участках первые фруктовые деревья.

Повсюду за деревянными заборами старых домишек появились плодовые деревья и цветники.

Лучшим из всех был и остается твой сад. Туда охотнее по зимам прилетают птицы. Весной в белом убранстве стоят новые, невиданные породы деревьев...»

Сейчас, когда я пишу эти строки, ко мне в окна заглядывают яблоньки, сливы и вишни, посаженные моей бабушкой. Каждые два года мы собираем урожай душистых яблок, а я благодарю ее за любовь к нам и нашему саду. В детстве, поздравляя мою любимую бабу Аню с днем рождения, я писала в открытке: «Здоровья и желаю тебе написать твою книгу...» Книга так и не была написана тогда, но сегодня...

Мы вместе пишем эту книгу, ведь в ней будут и твои строки. С книгой тебя, моя милая баба Аня!

К моим семи годам мама, снявшаяся у режиссера А. Зархи в «Высоте» и поднявшаяся еще на одну высоту, получила двухкомнатную квартиру на Большой Дорогомиловской. Квартира, окна которой выходили на Бородинский мост, была просто опасна для здоровья из-за шума.

Я очень любила и папу, и маму. И не представляла, что счастье видеть их вместе может когда-нибудь закончиться. Когда мне исполнилось восемь лет, мои родители расстались. У меня остался мой портрет, нарисованный папой. Видимо он хотел его взять с собой, но портрет остался у нас, а вот с папой я не виделась после его ухода целых пять лет.

Позже я узнала, что у него есть еще один сын (от первого брака). Алеша жил в Ростове.

Всем этим драматическим событиям была посвящена моя первая литературная работа, написанная в семнадцать лет.

Дети

В первые годы моей жизни никто и не собирался сообщать мне о брате. Я очень любила своих родителей и чувствовала себя вполне счастливой, хотя мама и папа уезжали на съемки на долгие месяцы. Но вот они возвращаются, они дома, и наступают самые блаженные мгновения, мы втроем идем гулять. Я шла между ними, иногда, поджимая ноги, повисала у них на руках, как любимый мной Тарзан. Часто в нашей маленькой однокомнатной квартире на Новопесчаной улице появлялись чужие люди, в основном актеры, их было особенно много, когда уезжала мама. Они галдели, тискали меня, женщины сюсюкали, а мужчины подбрасывали к потолку, что я не особенно любила. Когда становилось слишком шумно, бабушка уводила меня на кухню и рассказывала о родной Сибири, о своих путешествиях по Алтаю.

Больше всего на свете я боялась остаться одна.

Помню, как однажды мы ехали на дачу, бабушка привела меня на платформу, усадила на скамейку с двумя сумками и ушла за билетом. Но тут пришла электричка, и мне показалось, что бабушка вошла в вагон. Когда электричка тронулась, я, схватив сумки, которые были вдвое больше меня, кинулась за ней. Я бежала и умоляла бабушку взять меня с собой. Если бы не какой-то мужчина, я бы упала с платформы. Он подхватил меня на руки там, где она кончалась, и передал меня перепуганной насмерть бабушке.

Меня редко наказывали в детстве, помню два или три таких случая, но один – наивно смешной – остался в памяти всех домашних.

Бабушка мыла пол, а я приставала к ней, требуя разрешить и мне немножко его помыть. Так как мне было три года, бабушка, понимая, что от моей помощи будет лишняя грязь, не говоря ни слова, продолжала заниматься делом. Я опять попросила вымыть пол, не получив никакого ответа. Тогда в голову бабушки полетела ее черная выходная сумочка, и по всей квартире раздался свирепый крик: «Убирайся в свой Новосибирск и там мой свой пол». Бабушка даже села на пол от неожиданности, а я, испугавшись своих слов, горько заплакала. И тут меня позвал папа. Он что-то долго и строго говорил, а потом, разложив меня на коленях, снял штанишки и отпустил три легких шлепка.

То, что последовало дальше, напугало весь дом, я заорала так, будто меня облили кипятком, потом стремглав, даже не натянув штанишки, бросилась к бабушке и уткнулась ей в колени. Я так долго и истово плакала, что все стали смотреть на отца как на изверга, и он, красный и растерянный, ушел проветриться на улицу.

– Ну, что ты, Ната, – утешала меня бабушка, – что с тобой? Папа больно тебя ударил?

– Не-ет, – наконец вырвалось у меня из горла. – Нет-нет, не больно.

– Ну, так что же ты плачешь? – удивилась бабушка.

– Да он ведь... – захлебывалась я от негодования. – Он ведь – мужик.

Все очень смеялись над моей внезапной стыдливостью, потому что хорошо знали, что я обожала ползать по отцу в чем мать родила.

Я вообще любила оставаться с отцом, потому что именно с ним обретала полную свободу действий, следовательно, проказам моим не было конца. После очередного просмотра Тарзана я забиралась на шкаф и прыгала с него на тахту, вопя во все горло тарзаним криком. В свободное время отец писал картины и, по моей просьбе, рисовал мне парусники и жаркие страны.

Вскоре мы переехали на новую квартиру. Детям не жалко покидать старые места, слишком мало пережито, чтобы дорожить прошлым. Но бабушке было очень трудно уже в который раз расставаться со своими привычками, с налаженным кое-как бытом, где худо-бедно прожита часть жизни, где на свет появилась я, самая главная на сегодняшний день ее забота. Ну а мне был важен сам факт свершения – переезд. Помню день, когда грузовая машина, в кабине

которой сидели мы с бабушкой, въехала в серый колодец высоченных каменных домов. Наш дом был типичной постройкой сталинского периода.

Вход, по своим размерам напоминающий триумфальную арку, был сплошь украшен гипсовыми фруктами и овощами. Эти детали архитектурного излишества показались мне маленькими круглыми попками, выставленными напоказ, и очень рассмешили. Около подъезда валялись вдребезги разбитые облицовочные плитки, которые уже тогда начали сыпаться с нашего дома. Только после того, как спустя два года такой же плиткой убило женщину, огромное парадное заколотили навсегда, по всему первому этажу протянули металлическую сетку, ну а жители проникали в дом через черный ход.

Но тогда мы вошли через парадный вход и очутились в большом пустом и очень холодном холле. В полутьме вырисовывалась металлическая клетка пока еще бездействующего лифта. Лестница нового дома была ему под стать – гигантской. Совершив восхождение на четвертый этаж нашего колосса, мы поблагодарили судьбу, что живем не на последнем четырнадцатом.

Новая квартира состояла из двух продолговатых комнат с огромными окнами до самого потолка, от которых равномерными волнами исходил гул. Под окнами был Бородинский мост, по нему неостановимым потоком шли машины. Приложив нос к оконному стеклу, я ощутила сильную вибрацию всего дома.

Новой мебели еще не было, и мы расположились прямо на полу. Единственная вещь, которая была куплена сразу – маленькое ореховое пианино. Оно торчало посреди пустой комнаты, как намек на мои будущие мучения.

В семь лет я отправилась в школу с большим букетом цветов. Провожал меня папа. Мама была в Ленинграде на съемках фильма «Дорогой мой человек». В этот день мне казалось, что все люди смотрят только на меня и на мой прекрасный букет. Конечно, люди смотрели не на меня, а на моего отца, которого к тому времени уже знали по фильмам, но я была так счастлива, что не хотела замечать этих мелочей. По ошибке я попала не в тот класс – вместо 1 «А», во 2 «Б», где у меня отняли букет, но потом, разобравшись, отвели к первоклассникам, правда уже без букета.

Так началась моя трудовая жизнь.

Но не голая квартира, не потеря привычек и привязанностей прошлого вносили в нашу семью щемящую тоскливую нотку, а что-то совсем другое. Это что-то, тщательно скрываемое от меня, проникало через закрытые двери, где мама с бабушкой вели продолжительные беседы, являлось в тревожных, измученных бессонницей родных лицах, в пасмурной и тяжелой атмосфере, царившей в нашей семье.

Но не все удавалось скрыть от меня. Помню, как к нам неожиданно приехал дедушка, отец моего отца – Федор Петрович Бондарчук. Мама была в отъезде. В родительской комнате папа, бабушка и дедушка Федя что-то громко обсуждали. Я сидела в смежной комнате и лепила что-то из пластилина. Разговор уже длился около часа, мне давно хотелось есть, но я не решалась войти в комнату взрослых. Неожиданно тон голосов настолько повысился, что моментально была перейдена грань между разговором и криком, особенно кричал дедушка, ему вторил басок отца, раздраженный, неприятно резкий, затем я услышала бабушкин голос, и вот эти жалобные болезненные нотки в ее голосе подняли меня и заставили войти к ним в комнату.

Я вошла, но красные, распаленные криками взрослые не заметили моего появления. Я забралась на крышку пианино и стала слушать. Из всего, что происходило, я поняла только то, что обижают мою бабушку. На нее кричали мужчины, она куда-то позвонила и сообщила, что это дело житейское, и мама ничего не должна знать. Из васильковых глаз бабушки по морщинкам текли слезы, она что-то попыталась сказать, но не смогла, только посмотрела на папу такими странными и больными глазами, что меня всю начало трясти.

И тогда закричала я, нет, не закричала, а заорала – что-то несурзное. И только тут обнаружилось мое присутствие. Отец снял меня с пианино. «Зачем же ребенка мучить», – сказал он, прижимая меня к себе, но впервые в жизни я не почувствовала радости от его прикосновения, мне было жалко бабушку.

Через две недели от меня перестали скрывать случившееся, слишком все было очевидным. Но не сам факт исчезновения отца поразил меня, а то, что я узнала от бабушки: что еще до нас у папы была семья и что у меня есть брат по отцу Алеша. Как раз то, о чем я всегда мечтала – старший брат.

Из бабушкиного архива были извлечены на свет старые, тщательно хранимые фотографии. На них я увидела на коленях у моей мамы трехлетнего малыша, с курчавыми темными волосами и большущими темными глазами. Он был очень похож на меня в трехлетнем возрасте. По секрету бабушка поведала мне историю первой семьи отца.

– Уж не знаю, как там у них было, только встретились они в Ростове накануне войны. И совсем немного-то вместе и были, а тут ему ружьишко выдали и на войну... – рассказывала бабушка. – А когда он отслужил, да сразу на третий курс к Герасимову во ВГИК попал, Инну встретил и полюбил, тут-то ему в письме карточку сына и прислали. А он-то не верит, что это его сын, да и бумаги в военное время о том, что он женат, не сохранились.

Я слушала бабушку затаив дыхание. А та всматривалась в фотографию ребенка, чему-то улыбаясь.

– Мама Алешу привезла его из Ростова в Москву. Нашла по адресу дом и оставила ребенка отцу. Тут-то ему все пришлось рассказать. Инне малыш сразу понравился и полюбился. Она за ним, как за родным, ходила и заявила отцу своему, что ребенок очень на него похож и сомнений быть не может. Сергей официально усыновил сына и стал выплачивать алименты на его содержание. Ну, ребенка, естественно, мать забрала, а Инна по нему так тосковала, что вскоре и ты родилась.

«Ну вот, – думала я, – всегда так, самое главное не рассказывают. Что же получается? Получается, что я своим появлением на свет обязана брату Алеше. Значит, вначале отец мать Алешу оставил, а потом...»

Я не сразу начала тосковать по отцу, мне казалось невыносимым, невозможным, что отец ушел от нас навсегда. И действительно, видимо, совсем не просто все это было, потому что однажды он вернулся к нам. Это случилось в Ново-Дарьине.

Лил дождь. Бабушка, боясь грозы, не позволила нам включить свет, и мы сидели с мамой в сумерках, прислушиваясь, как тоненькой струйкой, дребеденя, льется вода в бочку. Я сидела у окна и смотрела на мокрый сад. С детства любила дождь и особенно воздух после дождя. Вдыхаю, впитываю его в себя во всю полноту легких, и мной овладевает такое пьянящее и прекрасное чувство, что, кажется, можно подняться вместе с ветерком – сначала над травой... потом выше к вершинам берез, и еще выше... Мама о чем-то тихо говорила с бабушкой, и я, выждав момент, когда на меня не обращали внимание, незаметно вышла на террасу и настезь открыла окно. Лицо сразу сделалось мокрым от мелких капелек, и я стала усиленно дышать грозой.

Молнии полыхали совсем рядом, но наслаждение было так велико, что оно уничтожило страх перед грозой. На террасе еще слышнее был дождь, стучавший по крыше, хлопавший по лужам в саду, все звуки слились для меня в стройную и прекрасную мелодию, я даже начала в такт ей раскачиваться, взмахивая руками, как крыльями.

Скрипнула калитка, вошел какой-то человек с чемоданом. Несмотря на то что дождь лил как из ведра, он не спешил к дому, старательно прикрыл калитку, прошел несколько шагов и остановился напротив моего окна. Наши взгляды встретились, из-за сетки дождя на меня смотрели глаза отца. Он вглядывался в мое лицо, потом невесело подмигнул и вошел в дом.

– Вернулся, – тихонько торжествовала бабушка, – с чемоданишком сбежал.

Отец действительно был похож на беженца, похудевший, даже почерневший от щетины на щеках.

Дождь поутих, и на полчаса выглянуло вечернее рыжее солнце. Отец взял столярные инструменты, вышел во двор и стал мастерить садовый столик, но прежде под березой соорудил себе верстак, на котором стал тесать еловые доски. Доски были мокроватые и от этого благоухали еще больше. Я вдыхала свежий еловый аромат и даже пробовала сосать еловые стружки. В последний раз солнечные лучи брызнули в мокрый сад и осветили и наш дом, и белый, только что срубленный верстак, и черную кудрявую голову отца, и мое мокрое и счастливое лицо. Медленно погасли веселые огоньки, всё погрузилось в темноту. Снова стал накрапывать дождик, и хрипло заворчал гром. Отец в полутьме продолжал мастерить столик в саду, долго сквозь сон я слышала стук молотка. На другой день он уехал в город.

И после этого отца я не видела в течение пяти лет!

Много позже я узнала от мамы, что развели их сплетни, какие-то подмётные письма. В конце концов мама сказала отцу: «Сережа, мы с тобой должны расстаться. Я больше с тобой жить не могу...».

С трудом произнеся эти слова, мама опустилась на диван и мгновенно заснула на короткое время. Когда она очнулась, перед ней сидел отец, плечи его ходили ходуном от рыданий.

Конечно, для них обоих расставание вылилось в настоящую драму. Мама снова уехала в Ленинград на съемки фильма «Дорогой мой человек», а папа некоторое время жил у друзей.

Но всего этого я, конечно, не знала.

Вскоре мы с бабушкой остались вдвоем, я не очень беспокоилась, где мама, ведь она так часто уезжала на съемки. Дела мои в школе шли скверно, дети и взрослые беспощадно, каждодневно мучили меня расспросами о моей семье. А когда в течение недели нам три раза задавали написать сочинение «Моя семья», «Мои родители» и «Мой дом», я стала пропускать занятия, но чтобы иметь право оставаться дома, наглатывалась на морозе мороженого и заболела ангиной. Какие-то женщины подходили ко мне прямо на улице, говорили, где и с кем находится мой отец и просили сообщить маме, а ее не было.

Наконец бабушка призналась, что мама в больнице, что ей сделана операция и что все страшное уже позади. И вот мы едем в больницу к маме. Это было мое первое в жизни посещение больницы. Я не помню, где она находилась и как выглядела снаружи, но внутри она была обшарпана и вся пропитана тем специфическим больничным запахом, от которого кружилась голова и сильно мутило.

Мы вошли в палату, где было много женщин. Одни лежали, другие сидели на кроватях, о чем-то переговаривались, но мамы среди них не было. Бабушка подошла к какой-то лежавшей женщине и нагнулась над ней: «Инна, я привела Натю». Я застыла в недоумении, женщина слабо шевельнула рукой, что-то прошептала.

– Ната, ну что же ты, подойди к маме.

Я подошла к женщине и склонилась над ней, лицо землистого оттенка было совершенно оплывшим, глаза из-за набухших век казались шелками, но за всей этой маской страдания угадывались родные черты моей мамы.

И тут мое детское воображение, подчиненное какой-то своей логике, подсказало мне, что меня привели прощаться с мамой. Да, именно прощаться, навсегда, в этой страшной палате с металлическими кроватями и серыми стенами, где потолок был покрыт темными рваными трещинами в подтеках. Я прикоснулась к маминой руке и увидела ее совсем другую, веселую, озорную, умеющую радоваться жизни. Мамины руки, теплые, необыкновенно нежные, гладили меня по лицу и будто что-то говорили, объясняли, уговаривали, плакали вместе со мной.

Позже я узнала, что мои детские страхи были оправданы: мама плохо перенесла операцию и еще долго не поправлялась.

У меня есть брат

Вам никогда не приходилось разбирать этюд Черни?

Нет, не играть, а именно разбирать его с учительницей музыки, по складам, по бемолям и диезам, по смеющимся над тобой черным нотным точкам.

Занятие это более чем тягостное, особенно когда тебе тринадцать и у тебя слабые мизинцы. Вера Казимировна снова и снова заставляет извлекать из инструмента хилые, далеко не музыкальные звуки. Мне стыдно и больно. Стыдно от своей беспомощности и больно оттого, что руки Веры Казимировны, такие же твердые, как клавиши, и, когда рука попадает между двумя этими поверхностями, хочется визжать, как мартовская кошка. Из этого совсем не следует, что я не люблю музыку. Я чувствую ее всей душой, особенно когда в доме никого нет и можно включить проигрыватель на полную мощь. Тогда кажется, что музыка живет в каждой клетке твоего тела, что свет из окна и пылинки в воздухе, все это – музыка. И, подхваченный неведомой силой, ты можешь улететь далеко-далеко и увидеть что-то неведомое, непостижимое, которое поднимет тебя с места и заставит закружиться в танце.

Но слушать – это одно, а вот самой вытащить из нотного листа и инструмента хилый звук – совсем другое. Попытка – окрик, снова попытка, и вот уже нервные клещевидные руки впихивают мои пальцы в нужный аккорд.

Чтение с нотного листа никогда не давалось мне, единственное, чем одарила меня природа – чувство ритма. Мне рассказывали, что годика в три я увидела из окна машины маленького голого цыганенка, лихо отплясывающего у таборного шатра. Дома, неожиданно для всех, я повторила танец, заявив после этого, что меня украли из табора, и настойчиво просила вернуть меня законным владельцам. Но меня не вернули, и я навсегда утратила связь со стихийной свободой.

«Раз – и, два – и...», – звучит над самым ухом голос Веры Казимировны, а в голове одна мысль: скорей бы это все кончилось! Иногда, конечно, занятия проходят довольно гладко – это когда играет сама Вера Казимировна, а я ее слушаю, или когда урок превращается в вокал. Петь я не умею, но очень люблю. Год назад, когда состоялся наш межквартирный концерт, я даже произвела некоторое впечатление на зрителей. Вера Казимировна давала уроки музыки многим детям нашего гигантского многоэтажного дома. Весной, каждый год, одна из квартир наполнялась дедушками, бабушками, тетями и дядями, приходившими взглянуть на успехи своих чад. И вот в прошлом году, после моего хилого исполнения полонеза Огинского я встала у рояля, а Вера Казимировна объявила романс и бодро ударила по клавишам. И я запела: «Милый мой, о, мой кумир, нас давно уж лодка ждет, слышишь, как Гвадалквивир и бушует, и ревет». По рядам родителей прошло заметное оживление, а я вытягивала во всю грудную клетку: «Сердце полно ожиданий, и горю я, как в огне, не откла-а-а-ды-ы-вай свиданья, выходи, о, друг, ко мне, выходи, о, друг, ко мне...».

Кто-то что-то сказал, и явственно послышался грубоватый смех. Схватив ртом побольше воздуха, я закончила: «Там, в долине, среди гор, мы найдем себе усла-а-ду, нас чужой не встретит взор». Зрители плакали от смеха и от души аплодировали. Пунцовая и гордая, я пробираюсь на свое место и, проходя мимо зеркала, увидела, что мой белый бант сполз от усердия на ухо и вся я была очень похожа на взъерошенного щенка, долго гонявшегося за своим хвостом.

– Раз – и, два – и... – нет, это невыносимо, ну хоть что-нибудь случилось бы... что-нибудь. В прихожей звякнул звонок. Неожиданно открылась дверь, и вошла бабушка. Это уже необычайное происшествие. Моя бабушка никогда не входит в комнату во время занятий, отчасти чтобы не помешать, но главным образом чтобы не испереживаться, видя мое пунцовое лицо и мокрые глаза музученика.

Нет, на самом деле что-то произошло, я отчетливо это вижу по бабушкиному лицу, выражающему таинственную печаль. Она, склонясь над Верой Казимировной, что-то шепчет ей на ухо, и у той, вздрогнув, поползли вверх седые брови.

– Наташенька, – торжественно начала бабушка, – к нам приехал твой брат Алеша.

Теперь и мои брови поползли вверх. Да, я слышала, что у меня есть родной брат по отцу, но никогда его не видела. Бабушка увела Веру Казимировну на кухню, а я осталась одна. Я прислушивалась к голосам в передней, но от волнения ничего не понимала. Шум машин за окном, крик ребенка за стеной, стук моего собственного сердца слились в какой-то один монотонный звук и обволокли мое сознание, не позволяя встать.

– Ната, иди же к брату! – прервал мои грустные мысли бабушкин голос. Я встала и раскрыла дверь в прихожую. Там около дивана стоял рослый девятнадцатилетний парень и, улыбаясь, смотрел прямо на меня.

– Вот ты какая у меня, сеструха! – воскликнул он и прижал к себе. Я неловко поцеловала его в щеку.

И только тут в зеркале, увидев нас обоих, я поняла, что мы похожи друг на друга как две капли воды, а Алексей еще больше, чем я, похож на отца. Мы устроили брата в нашей с бабушкой комнате.

Алеша оказался очень веселым и озорным. Его занимали две вещи: плавание, он имел первый разряд и даже участвовал в соревнованиях, и ритмическая музыка, в просторечье – Битлы. Он привез с собой несколько записей, которые тут же стал прокручивать на мамином магнитофоне, включив звук на полную. Я не удержалась от соблазна, стала танцевать.

Никогда я так не ощущаю полноту жизни, как в танце. Я чувствую, как все тело сливается с ритмом, и воздух, как бы утратив свою пустоту, приобретает вид невидимых глазом граней, ступенек, площадок, на которые поднимаются и с которых спускаются руки, ноги, что-то заставляет все тело подниматься в воздух, и под лопатками становится щекотно, как будто и впрямь там отрастают крылья. Больше всего на свете я люблю танцевать вот так, свободно, сама по себе.

Алексей смотрел во все глаза на меня, и конечно, сам поддался ритму, но его танец был скорее пантомимой: вот он, изображая какого-то странного и гибкого зверя, собрался в одну точку, вдруг прыгнул вверх, вытянувшись струной, а вот он осторожно и мягко двигается, как большая кошка. А вот веселая забавная обезьяна. Он так смешно копировал обезьяну, ее походку, почесывания, мимику, что я расхохоталась.

К нам вошла мама. Алексей в том же образе обезьяны подскочил к маме и потерялся о ее плечо. Она на секунду прижала Алексея к себе и вышла из комнаты. Мы остались вдвоем. Алексей выключил магнитофон.

– Ты давно виделась с ним?

– С кем? – спросила я, хотя и прекрасно поняла.

– С отцом.

– Давно, мы не виделись пять лет.

– Но есть же телефон?

– Он не звонил.

– А ты?

– Я не хочу... не могу, – добавила я.

Алексей сел на тахту и, не глядя на меня, стал рассказывать.

– Мои не знают, что я в Москве, они думают, что я поехал на соревнования по плаванию в Киев... Я ждал... все время ждал, что он приедет, или позвонит, или напишет. Все лезут ко мне с известиями об отце: где он бывал, что сделал, и спрашивают подробности, а я отвечаю то, что слышал от других или читал в газетах, будто это он мне рассказывал, ведь никому в голову не приходит, что я его и не вижу совсем...

Я вспомнила свои школьные мучения. Однажды нас позвали в школьный кинотеатр, где мы с удовольствием смотрели узкоплечные фильмы. Я не знала, какой ждет меня «подарок». Учительница привезла фильм «Судьба человека». Так я «встретилась» с отцом. И вот она, сцена, где главный герой, потеряв свою семью, находит беспризорного мальчишку и сообщает ему, что он его отец. «Папа, папка родненький, наконец-то ты меня нашел, я знал, что ты меня найдешь...» – кричал мальчик...

В этот момент я чуть не потеряла сознание от невыносимой боли. На экране мой отец находит себе сына, а я... Почему же меня он оставил, совсем оставил? С того дня я заболела сильной мигренью, что, впрочем, освобождало меня от многих занятий в школе.

Но Алексею было труднее в маленьком городе, где каждый старался узнать все о ближнем, особенно если дело касалось знаменитости. Сколько же историй пришлось ему насочинять, чтобы никто не догадался, что, кроме фамилии, у них с отцом нет ничего общего. Алексей словно почувствовал мои мысли и продолжал рассказывать, поглядывая на меня:

– Я попросил денег у деда и приехал... приехал к нему. Адрес узнал в справочном. Мне открыла какая-то старая женщина, сказала, что его нет дома, ну тут я ей и сказал, что я его сын и мне необходимо с ним повидаться. Старая позвала женщину помоложе, это оказалась его теперешняя жена, ты ее видела?

– Нет, только на экране, я ее совсем не знаю.

– Зачем тебе ее знать? – усмехнулся Алексей.

– Ну, ведь ты же хорошо относишься к моей маме.

– Здесь другое, во-первых, твоя мама даже не знала, что он был женат до войны, ну, а потом... – Алексей замялся. – Тебе рановато об этом знать, когда-нибудь расскажут.

Я поняла, что он знает, как мама к нему отнеслась, когда он был совсем маленьким... Алексей продолжал рассказывать.

– Ну вот, вышла эта, что помоложе, и говорит то же самое: что отца в Москве нет и не скоро будет, а сама смотрит на меня. «Вы, – говорит, – где остановились?» Со мной еще в жизни никто на вы не говорил. «Вам помочь с гостиницей?» Ну, думаю, у меня от дедушкиных запасов один рубль остался, какая гостиница? «Нет, – говорю, – не надо гостиницу».

Алексей даже крякнул как-то по-стариковски от обиды.

Увидев мое скисшее лицо, он добавил бодрым тоном:

– Знаешь, у меня абсолютный слух.

И, продолжая вглядываться в мое лицо, он вдруг запел густым баритоном:

Когда фонарики качаются шальные...

На другой день Алексей отправился в Калинин на съемки к отцу. Алеша оставил свои фотографии, а бабушка достала откуда-то его детские снимки. Мама с грустными глазами рассматривала и те и другие.

– Посмотри, – мама показала бабушке одну фотографию, где на обратной стороне Алексей подписал имя и фамилию. – Он даже почерк его выучил и расписывается, как Сергей.

– Да-да, – согласилась бабушка, – его почерк. Лицо, фигура, даже ходит, как он. Откуда же? Он ведь не мог этого запомнить.

– Мне писали, что он изучает почерк отца по старым письмам, а походку по фильмам, каждую его картину просматривает столько раз, сколько сеансов показывают. Но когда он стал показывать обезьяну, я не выдержала, ведь это же было любимым развлечением Сергея... и так похож.

– Ну, конечно, я и сама теперь это вспомнила, – заулыбалась бабушка. – А ты, Ната, не помнишь?

Нет, я не помнила и даже не очень понимала в этот момент, о чем меня спрашивают. Я смотрела в окно, за которым был вечер и шел мелкий дождь, и неожиданно для себя увидела или представила все, что происходило там, в Калининне, где мой брат искал моего отца.

Встреча

Огромное, подсвеченное прожекторами поле было совершенно размыто дождем. Алексей шел, увязая по щиколотку в вязкой глине. Спереди и сзади его окружали суетливые люди, чем-то недовольные. Они на мгновения составляли группы из трех-четырёх человек, и тут же распадались, и, как казалось, бессмысленно топтались на месте.

Неожиданно появились люди, лошади, какие-то громоздкие телеги. Все грохотало, роптало, суетилось. Но вот над полем пронеслась команда, заглушив все остальные звуки.

– Внимание! – звучал требовательный голос. – Внимание! Подготовиться к съемке!

И тут, повинувшись команде, все люди, лошади, телеги, все вдруг выстроилось в шеренги и замерло.

– Мотор! – прокатилось над всем полем, и Алексею показалось, что земля дрогнула под ногами, все со страшным скрежетом и шумом устремилось вперед, и он сам бросился бежать, и если бы этого не произошло, его бы сбили с ног, а, может быть, и раздавили бы сзади бегущие. Алексею стало страшно, он видел перед собой огонь, настоящий огонь, полыхающий над какими-то строениями, и именно туда его несла толпа, он уже видел падающие обугленные бревна, желтые, горячие языки пламени.

– Сто-о-оп! – пронеслось над полем, и все мгновенно распалось, унялось, погасло.

– Снято, – услышал Алексей. Три пожарника старательно поливали обугленное строение, шипя, гасли последние искры пожара. Алексей огляделся, невдалеке увидел возвышение из деревянных балок, на которых была установлена большая кинокамера. Дождь усилился, стало совсем темно, Алексей неуверенно пробирался, увязая в грязи, к деревянному помосту.

– Завтра придется повторить, Сергей Федорович, – услышал он чей-то голос, – я не уверен, при такой чувствительности пленки...

– Господи, а когда ты был уверен и в чем, – услышал Алексей другой голос и насторожился. – Два дня уже здесь сидим и двух полезных метров не высидели, – говорил коренастый седой человек, спускаясь с помоста.

Он прошел совсем близко от Алексея, их взгляды встретились... и ничего не произошло. Алексей попытался что-то сказать и неожиданно взял его за локоть.

– Что, что еще? – отец сердито смотрел на него, по всему лицу его была разлита усталость. Алексей, не отпуская его, смотрел в чужое и очень родное лицо.

– Я твой сын, – тихо сказал он и, прижимаясь к нему всем телом, захлебнулся от слез. Все как будто замерло: перестали галдеть люди, погасли прожекторы, дождь приутих и последними тяжелыми каплями беззвучно падал на землю.

– Это я, папа, – вырвалось впервые произнесенное мучительное слово.

Через два дня Алексей приехал к нам. Он был немного пьян, мама уложила его в постель. Из его сумбурного рассказа мы поняли только, что Алексей встретился с отцом под дождем на поле, что вместе они приехали с ним в Москву, что он слушал его стерео и еще что-то о пластинках.

Было уже поздно, все легли спать. Я лежала в кровати и смотрела, как по темному потолку пробегали белые светящиеся полоски света фар последних ночных машин. Мне не хотелось спать, я прислушивалась к дыханию бабушки и Алешки и еще и еще раз представляла встречу брата с отцом.

– Ты спишь? – услышала я тихий голос.

– Не сплю.

Я увидела, как Алексей сел на кровати и закутался в одеяло. Видимо, его знобило.

– Он мне деньги дал, на гостиницу, – говорил Алеша простуженным голосом, – а я их пропил. Пошел и купил что-то самое дорогое, липкое, тягучее и сразу у магазина с кем-то

выпил всю бутылку. Я же в первый раз к нему... Приехал... а он – «гостиницу». Нат, а Нат, а ты его видеть хочешь? – задал он, видимо, мучивший его вопрос.

– Не знаю, – сказала я неуверенно. – Иногда хочу, иногда даже очень хочу. Я даже с ним разговариваю, когда трудно, и будто он мне отвечает и понимает меня лучше всех. А то вдруг – пожар, и я его спасаю...

– И я его спасал, много раз, – отозвался Алеша. – Один раз так все это увидел, что самому страшно стало. Будто он сидит на поляне и медленно в землю погружается, а люди вокруг него бегают и ничего сделать не могут. А он как будто и не просит их помочь, а просто смотрит, как земля его со всех сторон охватывает... И понимаешь, не болото это, а именно земля, с травой, цветами, и держит его крепко. И тут будто я подхожу к нему, а он меня узнал, обрадовался, и я его беру за руки, и земля его отпускает. А сам он легкий-легкий, и я несу его на руках, а он ко мне прижимается, как ребенок.

Горло мое сдавило жгутом, хотелось плакать навзрыд, но что-то не давало расплакаться, и от этого еще больше давило и болело в груди. Из-за занавески выглянул серебристый новорожденный месяц. «Месяц, месяц, тебе – серебряные рожки, мне – доброго здоровья», – вспомнила я вдруг детскую присказку.

– Алеша, знаешь, в этом году умер наш дедушка, отец отца, Федор Петрович.

– Я не знал, я его совсем не знал, какой он был?

– Острый такой, резкий. Я видела его молодым на портретах, совсем как в «Тихом Доне» Мелехов, читал?

– Читал. Он что, казак?

– Да, кубанский казак, и бабушка тоже. Только он в последнее время с другой жил. Он за что-то сильно обиделся на отца и написал ему письмо, ужасное, где он отца во всем обвиняет, а письмо не успел отправить, умер. Когда отец приехал его хоронить, ему, прямо на кладбище, это последнее письмо отца и вручили. Я на следующий год туда приехала, и мне рассказывали, как плакал отец, после этого он очень долго болел...

– Ты его любишь... – неожиданно сказал Алексей, и в голосе у него не было вопроса.

Кончились короткие каникулы, и вот я снова в школе. Разложив тетради на подоконнике в туалете, спешу хоть что-нибудь списать в свою тетрадь из домашних заданий.

Пронзительно звенит звонок, от которого мой лоб покрывается капельками пота.

На математике старательно прячусь за спины впереди сидящих и надеюсь, что пронесет. В конце урока Анна Сергеевна, по сообщению с первой парты, поставила в журнале против моей фамилии точку, значит, спрашивать намерена завтра, придется срочно заболеть.

На английском с грехом пополам прочла какой-то текст о велосипедистах. Но вот – история, мой любимый предмет и любимая учительница Ирина Гурьевна. Я просто не могу прятаться от нее и всегда смотрю в ее доброе и красивое лицо.

И надо было так случиться, что она спросила именно сегодня, когда я даже не имела представления, что нам задавали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.